

Д.Ю. Бовыкин*

РЕВОЛЮЦИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА: о книге С.Ф. Блуменау

Едва ли для кого-то окажется удивительным, что развитие историографии Французской революции XVIII в. у нас в стране и за рубежом идет совершенно различными путями. Те сюжеты, которые пользуются популярностью на Западе, нередко оказываются совершенно неустребованными в России и наоборот.

Аналогичным образом дело обстоит и с обобщающими работами по истории Революции. Во Франции период определенной усталости, связанной с празднованием двухсотлетия, миновал, поколение историков сменилось, и ныне обзорные труды выходят один за другим. Среди недавних таких изданий стоит назвать, в частности, сборник статей по наиболее дискуссионным вопросам под редакцией М. Бьяра «Французская революция. Вечно живая история»¹, в предисловии к которому М. Вовель замечательно написал об этой смене поколений: «Собуль умер, Фюре умер, да и мне что-то нездоровится». Годом раньше тот же М. Бьяр выпустил в соавторстве с Ф. Бурденом и С. Марцагалли огромный семисотстраничный том, посвященный 1789–1814 гг.² Впрочем, трудно не заметить, что актуальное некогда разделение на «марксистов» и «ревизионистов» (или же историков «якобинского» и критического направления), хотя и существенно видоизменилось, но в полной мере сохраняется. Только в прошлом году вышли в свет также посвященные Революции и Империи монографии главного редактора «Исторических анналов Французской революции» Э. Лёверса³ и ученика Ф. Фюре П. Генифе⁴. Но это не отменяет главного: поколение мэтров времен празднования двухсотлетия Революции практически полностью уступило место новому.

В нашей стране ситуация, к сожалению, обратная. Даже на этапе празднования двухсотлетия никаких новых обобщающих трудов, по сути, не появилось. Если верить выходным данным, ближе всего к нашему дню внушительный том В.Г. Ревуненкова, являющийся – несмотря на же-

* Дмитрий Юрьевич Бовыкин, кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории стран Европы и Америки исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

¹ La Révolution française: Une histoire toujours vivante / Sous dir. de M. Biard. P., 2010.

² Biard M., Bourdin Ph., Marzagalli S. Révolution, consulat et Empire, 1789–1815. P., 2009.

³ Leuwers H. La Révolution française et l'Empire. Une France révolutionnée (1787–1815). P., 2011.

⁴ Guennifey P. Histoires de la Révolution et de l'Empire. P., 2011.

вание публикаторов представить его последним словом в современных исследованиях по революции – повторением его более ранних книг и остановившийся, если судить по западной историографии, на которую ссылается автор, фактически на 70-х гг. прошлого века⁵.

Определенный парадокс сложившейся ситуации заключается в том, что пересмотр устоявшихся концепций начался в нашей стране уже почти четверть века назад. Еще на «круглом столе» в Институте всеобщей истории АН СССР в 1988 г. А.В. Адо были произнесены слова о том, что «уже ряд лет существует потребность в новом осмыслении целого ряда проблем истории Французской революции, в поисках новых подходов, обновления проблематики, пересмотре некоторых схем»⁶. Адо справедливо говорил о том, что с 1950-х гг., когда эти концепции сформировались, было накоплено немало новых знаний, состоялся ряд важнейших историографических дискуссий. На том же «круглом столе» Л.А. Пименова говорила о критичном разрыве между обобщающими работами и конкретно-историческими исследованиями, отмечая, что «на современном уровне знаний у нас нет оснований характеризовать систему общественных отношений предреволюционной Франции в целом как феодальный строй»⁷. В.П. Смирнов призывал к пересмотру существующих оценок якобинского террора⁸. Г.С. Черткова предлагала посмотреть на революцию «из изначальной, а не из конечной точки, от истоков, а не от результатов»⁹. Словом, уже в 1988 г. было очевидно, что привычное видение революции, то самое, что было доведено до логического завершения в трудах А.З. Манфреда и В.Г. Ревуненкова (при всем различии этих авторов), не просто трещит по швам, но нуждается в коренном пересмотре.

С тех пор состоялось немало конференций и появилось немало публикаций, развивающих и дополняющих этот тезис. В 1995 г. историки собрались в ИВИ РАН для обсуждения феномена якобинизма¹⁰, и очень быстро выяснилось, что старое представление о якобинской диктатуре на глазах дает трещины и постепенно рассыпается в прах, а новое еще не выработано. Шесть лет спустя в тех же стенах состоялся «круглый

⁵ *Ревуненков В.Г.* История Французской революции. СПб., 2003.

⁶ *Адо А.В.* О месте Французской революции конца XVIII в. в процессе перехода от феодализма к капитализму во Франции // Актуальные проблемы изучения истории Великой французской революции. М., 1989. С. 7.

⁷ *Пименова Л.А.* О некоторых спорных вопросах истории Старого порядка и революции // Там же. С. 93, 95.

⁸ *Смирнов В.П.* К вопросу об оценке якобинской диктатуры // Там же.

⁹ *Черткова Г.С.* Об антиномии свободы и равенства и проблеме выбора // Там же. С. 91.

¹⁰ Якобинство в исторических итогах Великой французской революции: Материалы «круглого стола» // НиНИ. 1996. № 5.

стол», посвященный роли буржуазии во Французской революции¹¹. Обсуждение показало, что большую часть присутствующих совершенно не удовлетворяет господствовавшая в советской историографии концепция «первого этапа» Революции. Хотя бы потому, что, как напоминал организатор этого «круглого стола» А.В. Чудинов, буржуазия Старого порядка – отнюдь не та торгово-промышленная буржуазия XIX в., о которой писал К. Маркс, и в любом случае буржуазия ни перед Революцией, ни в ходе ее не была единой и не представляла собой класс-«гегемон». На заседании вновь говорили о «переосмыслении самой концепции революции», о «выработке новой парадигмы» (А.В. Гордон). Свообразным приговором существующим обобщающим работам прозвучали слова А.В. Гладышева: «Мне кажется, что сейчас мы можем именовать Французскую революцию “буржуазной” на основе того же права, к какому апеллировал перед судьями Казанова, оправдывая смену имени правом, которое “каждый человек имеет на все буквы алфавита”».

В отсутствие новых обобщений в опубликованной в 2007 г. книге А.В. Чудинова «Французская революция. История и мифы» появилась специальная глава, дававшая новую версию интерпретации Революции¹². Впрочем, ее весьма скромный объем хотя и позволил избавиться от многих мифов, фактически не дал, на мой взгляд, возможность донести до читателя некую новую глобальную концепцию революции.

Если вспомнить, что в XIX в. земства называли зданием без фундамента и без крыши, точно так же можно посмотреть и на современное изучение Французской революции в России. Множество конкретных, точечных исследований рассматривают ее отдельные эпизоды совершенно иначе, нежели это делалось в 60–80-х гг. прошлого века, новые концепции в полной мере проявляют себя в учебниках для школ и вузов, однако не существует ни одной обобщающей монографии, которую можно было бы со спокойным сердцем порекомендовать почитать всем интересующимся данным сюжетом.

Одновременно выяснилось, что у сторонников «ревизии» (слово вызывает неминуемые коннотации, но кажется мне в этом контексте исключительно верным) удивительным образом не оказалось идейных (или, если угодно, идеологических) противников. По крайней мере, готовых к открытой научной дискуссии. Даже в 1988 г. собравшиеся в ИВИ специалисты, по сути, спорили лишь о том, насколько радикальная и решительная «ревизия» нам необходима, предупреждали об опасностях увлечения политической конъюнктурой, высказывали опасения, что свержение прежних кумиров может оказаться не конструктивно, а де-

¹¹ «Круглый стол» в ИВИ РАН «Французская революция XVIII в. и буржуазия» // НиНИ. 2002. № 1.

¹² Чудинов А.В. Французская революция. История и мифы. М., 2007. С. 280–308.

структивно, выражали надежду, что истина лежит где-то посередине... Однако голосов, отрицающих необходимость пересмотра прежних представлений о революции, так и не прозвучало.

Вырисовывающаяся картина кажется совершенно фантастической, если не сюрреалистической. При весьма небольшом, мягко говоря, количестве исследователей, хорошо представляющих себе, что происходило в Нидерландах в XVI в., между ними нет согласия в том, считать ли эти события революцией. Почти все англоведы ныне отрещиваются от того, чтобы позиционировать себя как специалистов по Английской революции XVII в., однако то и дело звучат совершенно различные точки зрения на природу этого события, равно как и на то, можно ли его вообще именовать революцией. В отношении же Французской революции XVIII в. вроде бы существует полный консенсус, никаких дискуссий не идет, различные точки зрения никак себя не проявляют. Но новая единая концепция существует меж тем лишь в головах исследователей.

Пожалуй, первым исключением из этого печального правила, актуального вот уже более двух десятилетий, и стала книга профессора факультета истории и международных отношений Брянского государственного университета им. И.Г. Петровского, заведующего кафедрой всеобщей истории доктора исторических наук Семена Федоровича Блуменау¹³. И появление этой книги именно из-под его пера кажется мне отнюдь не случайностью. С одной стороны, С.Ф. — известный историограф, автор многочисленных книг и статей¹⁴ по историографии революции, ставших настольными работами не только для студентов, но и для состоявшихся исследователей. С другой стороны, уже с давних пор у него стали появляться публикации, демонстрирующие интерес именно, как раньше было принято говорить, к первому периоду революции¹⁵.

Монография С.Ф. Блуменау видится мне очень удачной и чрезвычайно полезной в двух аспектах. Первый лежит на поверхности: наконец-то вышла в свет книга, которую без опаски можно рекомендовать почитать студентам и всем интересующимся Французской революцией. С.Ф. из-

¹³ Блуменау С.Ф. Революционные преобразования Учредительного собрания во Франции в 1789–1791 годах. Брянск, 2011.

¹⁴ См., например: Блуменау С.Ф. Споры о революции во Французской исторической науке второй половины 60 – 70-х гг. Брянск, 1994; *Он же*. От социально-экономической истории к проблематике массового сознания. Французская историография революции: 1945–1993. Брянск, 1995.

¹⁵ См. например: Блуменау С.Ф. Религия и революция 1789 г. во Франции // НиНИ. № 3. 1998; *Он же*. Церковные реформы начала революции и французское общество // Памяти профессора А.В. Адо: современные исследования о Французской революции конца XVIII века. М., 2003; *Он же*. Жак Неккер // ВИ. № 7. 2004; *Он же*. Государственный долг и ассигнаты в первые годы Французской революции // Всеобщая история: современные исследования. Брянск, 2006. Выпуск 15.

лагает события первых революционных лет сжато, четко, ясно и корректно, поясняя там, где пояснения необходимы, и не трата лишних слов там, где все понятно и так. Однако для меня, несомненно, интереснее второй аспект: эпоха Учредительного собрания получает в отечественной историографии современный концептуальный рисунок, лишенный привычных рассуждений о том, что «многие важные задачи буржуазно-демократической революции еще не были решены», «крестьянство еще не избавилось от основных феодальных повинностей», а «место дворянской аристократии заняла “аристократия богатства”, верхушка буржуазии»¹⁶.

Не лишая читателя удовольствия ознакомиться с книгой С.Ф. Блуме-нау самостоятельно, попробую все же обозначить, какие концептуальные моменты кажется мне в ней наиболее принципиальными. Впервые в отечественной обобщающей научной литературе по истории Французской революции недвусмысленно сказано, что роль Учредительного собрания «в истории Франции переоценить невозможно» (С. 190). Тем самым акценты в понимании сути революции, пика ее преобразовательной деятельности однозначно смещаются с эпохи диктатуры монтаньяров на 1789—1791 гг. Более того, в книге очень четко прозвучала мысль о том, что эти преобразования не проводились исключительно или преимущественно в интересах крупной буржуазии, а изменялась (и притом в положительную сторону) жизнь всех слоев общества, вплоть до городских и сельских низов.

Очень важным представляется и еще одно смещение акцентов: с социально-экономических преобразований (которыми автор отнюдь не пренебрегает) к политическим. Все же идея о том, что Французская революция была в первую очередь революцией прав человека, долгие годы считалась неперменным маркером «критической» историографии. И эта «политическая революция» также дана в книге современно, по-новому, с привлечением внимания к тем сюжетам, которыми отечественные авторы традиционно интересовались мало: избирательному законодательству, системе построения местной власти, отказу депутатов участвовать в выборах в Законодательное собрание. И, напротив, в книге отсутствуют рассуждения о «феодально-абсолютистском» характере королевской власти, о том, что буржуазия расчищала все препоны на пути к капитализму, о засилье «феодализма» в деревне.

Немало внимания в монографии уделено и тем сюжетам, которые видятся мне не только концептуальными, но и дискуссионными. Первый из них, несомненно, — сам характер реформ, предпринятых Учредительным собранием. «Учитывая решительные преобразования, — пишет

¹⁶ Ревуенков В.Г. Указ. соч. С. 146.

автор, — проведенные в 1789–1791 гг. конституционалистским большинством Учредительного собрания, справедливо квалифицировать политику первой Ассамблеи не как либеральную, а как либерально-демократическую, поскольку она соответствовала интересам широких слоев населения, в том числе и их материальным нуждам» (с. 14–15).

К этому утверждению автор приходит, полемизируя с А.В. Тырсенко, который, как полагает С.Ф., в первой своей монографии видел программу депутатов-реформаторов как «либеральный компромисс со Старым порядком»¹⁷, а затем эволюционировал к признанию интеграции либерализмом ряда демократических принципов (с. 15). Эти мысли видятся мне, признаться, весьма спорными. С одной стороны, то противопоставление либерального и демократического лагеря, которое Тырсенко явно обозначил в своей книге о фейянах¹⁸, в полной мере было им сохранено и в соответствующем параграфе университетского учебника по Новой истории¹⁹. В монографии же об Э.Ж. Сийесе Тырсенко действительно признает, что наряду с другими видами либерализма (элитарным, католическим, социальным) существует и либерализм демократический, что «либерализм конца XVIII — первой половины XIX в. воспринял некоторые институты парламентской демократии»²⁰, однако ничто не заставляет предположить, что речь в данном случае идет о коррекции оценок деятельности Учредительного собрания.

С другой стороны, уже одно только существование в нашем отечестве либерально-демократической партии, имеющей мало отношения и к либерализму, и к демократии, наводит на мысль о необходимости договориться о терминах. Приведенная выше цитата из монографии С.Ф. Блуменау явно показывает, что автор с полным на то правом трактует термин «демократический» расширительно, и тогда под это определение подходит любая, по сути, политика, проводимая в том числе и в интересах народа. В этом ракурсе, давая определение политике Учредительного собрания как либерально-демократической, смещая ее, условно говоря, «влево», С.Ф. — рискну предположить — в первую очередь противопоставляет ее оценке традиционным советским определениям, смещенным «вправо», когда подчеркивалось, что Собрание выражало антинародные интересы крупной буржуазии и либерального дворянства. «Созидательный реформизм Учредительного собрания — прообраз

¹⁷ Тырсенко А.В. Фельяны. У истоков французского либерализма. М., 1999. С. 68.

¹⁸ Там же. Заключение.

¹⁹ История стран Европы и Америки в Новое время. М., 2011. Ч. 2. § 16.2. Начало революции. Падение Старого порядка. Революционные преобразования (14 июля 1789 г. — 3 сентября 1791 г.).

²⁰ Тырсенко А.В. Эмманюэль Жозеф Сийес и французская либеральная мысль его времени. М., 2005. С. 7.

современной либеральной демократии», — утверждает автор (с. 190), и с ним сложно спорить.

Напротив, Тырсенко, и я здесь с ним солидарен, исходит из конкретно-исторической трактовки термина «либеральный», характерной для той эпохи. Этот либерализм, несомненно, использовал идеи представительной демократии, однако использовал их, прежде всего, для решения совершенно иных проблем, которые казались депутатам существенно более важными. Эта мысль далеко не нова; в абсолютно явном виде она была высказана еще Ф. Рэйно, написавшим статью «Демократия» в «Критическом словаре Французской революции». Депутаты Учредительного собрания, напоминая он, порвали с идеями Руссо; «большинство из них, вдохновляемые идеями Адама Смита или физиократов, стремились, прежде всего, гарантировать *безопасность* личности и имущества, а если они и признавали представительство, то в первую очередь потому, что для них свобода определялась скорее через независимость личности, чем через участие в управлении (к тому же важность представителей была тем более значимой, что депутаты с самого начала стремились гарантировать независимость их решений путем запрета императивного мандата)»²¹. И в самом деле, многочисленные решения депутатов Учредительного собрания — от многократного запрета дискуссий в первичных собраниях и собраниях выборщиков²² до столь же многократных нарушений Собранием основополагающих свобод²³ — явно, на мой взгляд, показывают, насколько они были далеки от демократических идей.

Другой дискуссионный сюжет — обсуждение причин революции. С.Ф. Блуменау в самом начале очерчивает круг проблем, которыми была озабочена предреволюционная Франция: «старая система деления общества теряла свой смысл и обоснование» (с. 19); социальные лифты остановились, отсутствие равенства перед законом и равного налогообложения были источником постоянных конфликтов; крестьян в первую очередь раздражало не бремя налогов и повинностей, а сеньориальные права и привилегии; пестрое многообразие государственных институтов, региональных традиций, мер и весов имело многочисленные негативные последствия для экономики. Этот обзор сделан автором очень четко, с попутным внесением корректив в ряд представлений, характерных для традиционных обобщающих работ. Приведу небольшой пример

²¹ Raynaud Ph. *Démocratie* // Dictionnaire critique de la Révolution française / Sous dir. de F. Furet et M. Ozouf. P., 1988. P. 675—676.

²² Подробнее см.: *Абердам С.* Право избирать и право решать в 1793 г. // Современные исследования о Французской революции конца XVIII века / Под ред. В.П. Смирнова и Д.Ю. Бовыкина. М., 2003.

²³ Подробнее см., например: *Генифе П.* Политика революционного террора. 1789—1794. М., 2003. Гл. IV. Учредительное собрание: между принципами и средствами.

того, как две короткие фразы создают совершенно разное впечатление о происходившем тогда во Франции:

Манфред А.З. «Грозные королевские *lettres de cachet* (тайные приказы об аресте) настигали сотни людей в разных местах королевства, наводя страх на население страны»²⁴.

Блуменау С.Ф. «*Летр де каше* затрагивали, в основном, верхние слои общества» (с. 20).

Вместе с тем, если задать тексту монографии прямой вопрос: «В чем же были причины Французской революции?», то ответ, на мой взгляд, будет следующим. «Несвобода и произвол властей, сословный строй и неравенство в правах, громоздкий и дорогостоящий чиновничий аппарат, мало считавшийся с нуждами населения — все это существовало веками, освящалось религией и монархией, воспринималось как должное, как естественный порядок вещей, с которым мирились по привычке и из страха. Понимание глубинной несправедливости сложившейся системы обычно связывалось с феноменом Просвещения. Но сами по себе критические и одновременно созидательные идеи небольшой группы мыслителей явились лишь первотолчком. Без “освоения” их обществом они остались бы неким идеалом, “прекрасной мечтой”, утопией» (с. 22). Таким образом, по мысли автора, причиной революции было «неприятие сложившегося порядка вещей», а катализатором ее послужил финансовый кризис.

Будучи далек от спора, с тем что одно только ощущение «глубинной несправедливости» способно спровоцировать революцию, я не могу все же не задать вопросом: а что же тогда было такого уникального во Франции, если сравнивать ее не с Англией (где это ощущение, по всей видимости, было менее ярко выражено), а с другими странами? Просвещение — общеевропейское явление. Экономика Франции была одной из передовых в Европе, то есть в других странах материальное положение людей едва ли было лучше, а налоги зачастую и больше. Французский партикуляризм провинций — ничто по сравнению, к примеру, с испанским. Это сопоставление можно успешно продолжать и дальше, и везде оно будет, скорее, в пользу Франции.

Мне все же видится, что в списке причин революции практически отсутствует очень важный фрагмент: падение авторитета королевской власти и ее явная неспособность провести кардинальные реформы. Неспособность весьма многообразная. Амбиции, проекты, талантливые администраторы — все это у монархии было. Но для одних реформ не хватало авторитета, для других — последовательности, третьи оказались невозможны при сохранении того механизма «раздробления властей»,

²⁴ *Манфред А.З.* Великая французская революция. М., 1983. С. 22.

который был характерен для Франции Старого порядка, в частности, всевластия парламентов. В этом плане, на мой взгляд, не государственный долг и бюджетный дефицит «сделались своеобразным рычагом, позволившим оппозиционным силам быстро опрокинуть абсолютизм» (с. 23). Дело в ином: государственный долг и бюджетный дефицит лишали монархию пространства для маневра, заставляли ее действовать — и на каждом направлении она натывалась на непробиваемую стену традиционных учреждений. В этой ситуации монархия не могла себе позволить не делать ничего, все окончилось бы государственным банкротством. Как загнанный зверь, она бросилась к единственному оставшемуся для нее выходу — к Генеральным штатам. И именно там, как оказалось, ее поджидала гибель. Однако едва ли эта цепь событий представляла собой заранее спланированный иезуитский проект оппозиции.

И, наконец, последний момент. Все время, пока я читал монографию С.Ф. Блуменау, меня мучил вопрос: нет ли определенного диссонанса между ее основной частью (преимущественно конкретной, посвященной «весомым, грубым, зримым» реформам Учредительного собрания: созданию новой административно-территориальной системы, судебным, финансовым, фискальным и электоральным преобразованиям, реформе церкви) и обрамляющими эту основную часть введением и заключением (преимущественно концептуальными, с экскурсами в историографические дискуссии)? Некоторые сомнения по поводу этой, в общем-то, абсолютно обычной практики возникают лишь из-за того, что, по сути, далеко не все преобразования Учредительного собрания можно «потрогать руками». Более того, я, скажем, затруднился бы ответить на вопрос, какие из них более важны, «практические» или «идеологические». Ведь в Заключении сам С.Ф. абсолютно справедливо отмечает: «Реформы Собрания положили начало новой политической культуре, основанной на гражданском равенстве, свободах личности, слова, печати, вероисповедания, выборности политического персонала на всех уровнях, правовых принципах» (с. 189). Лишь небольшая часть этих трансформаций — равенство в судопроизводстве, реформирование права и системы выборов — подробно описаны в монографии. И причина тому, на мой взгляд проста: Декларация прав 1789 года затрагивается автором исключительно в ее прикладных аспектах.

И это не исключение: за рамками книги в принципе осталось немало преобразований, часто касающихся преимущественно идейной сферы, не связанных или мало связанных с конкретными практиками. Так, немалым достоинством работы С.Ф. Блуменау является введение в нее национальной проблематики (с. 39–41), однако автор затрагивает ее лишь в связи с централизацией страны и борьбой с региональным партикуля-

ризмом, тогда как именно национальная проблематика во многом служит ключом для понимания всего периода деятельности Учредительного собрания. Если отринуть ее, то за скобками остаются и трансформация Генеральных штатов в Национальное, а затем в Учредительное собрание, и ключевой вопрос о королевском вето, лишь мимоходом упомянутый в исследовании, и логика Конституции 1791 г. Чрезвычайно сложно становится понять и подоплеку подробно проанализированных автором церковной политики Собрания (гл. 2, § 1) и дискуссии об имущественном цензе (гл. 2, § 2). Более того, по сути читателю не показывается и сам механизм принятия решений, поиск баланса сил между депутатами как «представителями нации» и королем – ее воплощением. В результате Людовик XVI на страницах монографии почти не появляется, явно занимаясь все эти годы чем-то весьма далеким от никак его не затрагивающих революционных преобразований.

Если же посмотреть шире, то такое стремление привязать реформы Учредительного собрания к чисто «материальным» вехам имеет как несомненные плюсы, так и определенные минусы, поскольку заставляет лишь «к слову» упоминать о ряде довольно принципиальных моментов. Формально автор, несомненно, прав: нельзя же, к примеру, Декларацию прав назвать «преобразованиями». Но если говорить о понимании периода, то все же не совсем очевидной кажется идея искать информацию о народных обществах в разделе об имущественном цензе, а материал по «Ночи чудес» – рассеянным по совершенно разным параграфам.

Впрочем, все эти размышления о новой книге Семена Федоровича Блуменау наводят и на еще одну мысль: появилась не просто новая, современная обобщающая работа по истории Французской революции. Появилась книга, которая приглашает к дискуссии. И это мне представляется вдвойне важным.

Thank you for evaluating AnyBizSoft PDF Splitter.

A watermark is added at the end of each output PDF file.

To remove the watermark, you need to purchase the software from

<http://www.anypdftools.com/buy/buy-pdf-splitter.html>